

И. А. ИЛЬИНЪ

**ПРОРОЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ
ПУШКИНА**

ТОРЖЕСТВЕННАЯ РѢЧЬ

произнесенная въ Ригѣ 27 января — 9 февраля 1937 г.

По порученію Пушкинскаго комитета
ИЗДАНО
РУССКИМЪ АКАДЕМИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВЪ РИГѢ
Рига 1937 г.

Того же автора:

ОСНОВЫ ХУДОЖЕСТВА.

О совершенномъ въ искусствѣ.

Издание Русскаго Академическаго Издательства въ Ригѣ.

Рига. 1937. Стр. 176.

Обложка работы С. Н. Антонова и Е. Е. Климова.

Цѣна одинъ амер. долларъ.

Заказы направлять:

М. Didkowsky. Latvija. Rīgā. Brīvības ielā 9.

И. А. ИЛЬИНЪ

ПРОРОЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ
ПУШКИНА

ТОРЖЕСТВЕННАЯ РѢЧЬ

произнесенная въ Ригѣ 27 января — 9 февраля 1937 г.

По порученію Пушкинскаго комитета

ИЗДАНО

РУССКИМЪ АКАДЕМИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВЪ РИГѢ

Рига 1937 г.

M. Monētu ielā 18

ПРОРОЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ ПУШКИНА.

1.

Движимые глубокою потребностью духа, чувствами благодарности, вѣрности и славы, собираются нынѣ русскіе люди, — люди русскаго сердца и русскаго языка, гдѣ бы они ни обрѣтались, — въ эти дни вѣковой смертной годовщины ихъ великаго поэта, у его духовнаго алтаря, чтобы высказать самимъ себѣ и передъ всѣмъ чело-вѣчествомъ, его словами и въ его образахъ свой на-ціональный символъ вѣры. И, прежде всего, — чтобы возблагодарить Господа, даровавшаго имъ этого поэта и мудреца, за милость, за радость, за непреходящее свѣт-лое откровеніе о русскомъ духовномъ естествѣ, и за ве-ликое обѣтованіе русскаго будущаго.

Не для того сходимся мы, чтобы „вспомнить“ или „помянуть“ Пушкина, такъ, какъ если бы бывали времена забвенія и утраты . . . Но для того, чтобы засвидѣтель-ствовать и себѣ, и ему, чей свѣтлый духъ незримо при-сутствуетъ здѣсь своимъ сіяніемъ, — что все, что онъ соз-далъ, прекраснаго, вошло въ самую сущность русской души и живетъ въ каждомъ изъ насъ; что мы неотрывны отъ него такъ, какъ онъ неотривенъ отъ Россіи; что мы провѣряемъ себя его видѣніемъ и его сужденіями; что мы по нему учимся видѣть Россію, постигать ея сущность и ея судьбы; что мы бываемъ счастливы, когда можемъ подумать его мыслями и выразить свои чувства его сло-

вами; что его творенія стали лучшей школой русскаго художества и русскаго духа; что вѣщія слова, прозвучавшія 50 лѣтъ тому назадъ „Пушкинъ — наше все“, вѣрны и нынѣ и не угаснутъ въ круговращеніи временъ и событій. . . .

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ

„свинецъ смертельный

Поэту сердце растерзаль“

(Тютчевъ);

сто лѣтъ Россія жила, боролась, творила и страдала безъ него, но послѣ него, имъ постигнутая, имъ воспѣтая, имъ озаренная и окрыленная. И чѣмъ дальше мы отходимъ отъ него, тѣмъ величавѣе, тѣмъ таинственнѣе, тѣмъ чудеснѣе рисуется передъ нами его образъ, его творческое обличіе, подобно великой горѣ, не умаляющейся, но возносящейся къ небу по мѣрѣ удаленія отъ нея. . . . И хочется сказать ему его же словами о Казбекѣ:

„Высоко надъ сѣмьею горъ

Казбекъ, твой царственный шатеръ

Сіяетъ вѣчными лучами. . . .“

Въ этомъ обнаруживается таинственная власть духа: все дальше мы отходимъ отъ него во времени, и все ближе, все существеннѣе, все понятнѣе, все чище мы видимъ его духъ. Отпадаютъ всѣ временныя, условныя, чисто человѣческія мѣрила; все меньше смущаетъ насъ то, что мѣшало нѣкоторымъ современникамъ его видѣть его пророческое призваніе, постигать священную силу его вдохновенія, вѣрить, что это вдохновеніе исходило отъ Бога. И всѣ тѣ священные слова, которыя произносилъ самъ Пушкинъ, говоря о поэзіи вообще и о своей поэзіи въ частности, мы уже не переживаемъ, какъ выраженія условныя, „аллегорическія“, какъ поэтическія

олицетворенія или преувеличенія. Пусть инья изъ этихъ словъ звучать языческимъ происхожденіемъ: „Аполлонъ“, „муза“; или — поэтическимъ иносказаніемъ: „алтарь“, „жрецы“, „жертва“. . . Мы уже знаемъ и вѣримъ, что на этомъ алтарѣ дѣйствительно горѣлъ „священный огонь“; что этотъ „небомъ избранный пѣвецъ“ дѣйствительно былъ рожденъ для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ; что къ этому пророку дѣйствительно „воззвалъ Божій гласъ“; и что до его „чуткаго слуха“ дѣйствительно „касался божественный глаголь“, — не въ смыслѣ поэтическихъ преувеличеній или языческихъ аллегорій, а въ порядкѣ истиннаго откровенія, нашего, нашею вѣрою вѣруемаго и зримаго Господа . . .

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣческія страсти въ человѣческихъ мукахъ увели его изъ жизни, — и мы научились вѣрно и твердо воспринимать его вдохновенность, какъ боговдохновенность. Мы съ трепетнымъ сердцемъ слышимъ, какъ Тютчевъ говоритъ ему въ день смерти:

„Ты былъ боговъ органны живой“ . . .

и понимаемъ это такъ: „ты былъ живымъ органомъ Господа, Творца всяческихъ“ . . . Мы вмѣстѣ съ Гоголемъ утверждаемъ, что онъ „видѣлъ всякій высокій предметъ въ его законномъ соприкосновеніи съ верховнымъ источникомъ лиризма — Богомъ“; что онъ „заботился только о томъ, чтобы сказать людямъ: «смотрите, какъ прекрасно Божіе твореніе.»“ . . .; что онъ владѣлъ, какъ, можетъ быть, никто, — „тѣми густыми и крѣпкими струнами славянской природы, отъ которыхъ проходитъ тайный ужасъ и содроганіе по всему составу человѣка“, ибо лиризмъ этихъ струнъ возносится именно къ Богу; что онъ, какъ, можетъ быть, никто, обладалъ способностью исторгать „изо всего“ ту огненную „искру, которая присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога“ . . .

Мы вмѣстѣ съ Языковымъ признаемъ поэзію Пушкина истиннымъ „священно-дѣйствіемъ“. Мы вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ готовы сказать ему:

. „Жрецъ духовный,
Думъ и творчества залогъ —
Пламень чистый и верховный —
Ты въ душѣ своей сберегъ.
Все яснѣй, все безмятежнѣй
Разливался свѣтъ въ тебѣ“ . . .

Вмѣстѣ съ Баратынскимъ мы именуемъ его „наставникомъ“ и „пророкомъ“. И вмѣстѣ съ Достоевскимъ мы считаемъ его „великимъ и непонятымъ еще предвозвѣстителемъ“.

И мы не только не придаемъ значенія пересудамъ нѣкоторыхъ современниковъ его о немъ, о его страстныхъ проявленіяхъ, о его кипѣніи и порывахъ; но еще съ любовью собираемъ и бережно хранимъ пылинки того праха, который вился солнечнымъ столбомъ за вихремъ Пушкинскаго генія. Намъ все здѣсь мило, и дорого, и символически поучительно. Ибо мы хорошо знаемъ что всякое движеніе на землѣ поднимаетъ „пыль“; что ничто великое на землѣ невозможно внѣ страсти; что святъ и совершенъ только одинъ Господь; и что одна изъ величайшихъ радостей въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы найти отпечатокъ генія въ земномъ прахѣ и чтобы увидѣть, узнать въ пламени человѣческой страсти — очищающій ее огонь божественнаго вдохновенія.

Мы говоримъ не о церковной „святости“ нашего великаго поэта, а о его пророческой силѣ и о божественной окрыленности его творчества.

И пусть педанты цѣломудрія и воздержности, которыхъ всегда оказывается достаточно, помнятъ слова Спасителя о той „безгрѣшности“, которая необходима

для осуждающаго камнеметанія. И еще пусть знаютъ они, что самъ поэтъ, столь строго, столь нещадно судившій самого себя:

„И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ“ . . . ;

— столь глубокого познавшій

„Змѣи сердечной угрызенья“ . . . ;

— столь подлинно описавшій таинство одинокаго покаянїя передъ лицомъ Божїимъ:

„И съ отвращенїемъ читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю“ . . . , —

— предвидѣль и „судъ глупца, и смѣхъ толпы холодной“, и осужденья лицемѣровъ и ханжей, когда писалъ въ 1825 году по поводу утраты записокъ Байрона: „Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки и т. д., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ не такъ, какъ вы, иначе“ . . .

Да, иначе! Иначе потому, что великій человекъ знаетъ тѣ часы паренія и полета, когда душа его трепещетъ, какъ „пробудившійся орелъ“; когда онъ бѣжитъ — и

„дикій, и суровый
И звуковъ, и смятенья полнь,
На берега пустынныхъ волнь
Въ широкошумныя дубровы“.

Онъ знаетъ хорошо тѣ священные часы, когда „шестикрылый серафимъ“ отверзаетъ ему зрѣніе и слухъ, такъ, чтобы онъ внялъ — и

„неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье“;

когда обновляется его языкъ къ мудрости, а сердце къ огненному пыланію, и дается ему, „исполненному волею Божіею“

„Глаголомъ жечь сердца людей“.

Отсюда его пророческая сила, отсюда божественная окрыленность его творчества . . . Ибо страсти его знаютъ не только лично-грѣшное кипѣніе, но пламя божественной купины; а душа его знаетъ не только „хладный сонъ“, но и трепетное пробужденіе, и то таинственное бодрствованіе и трезвеніе при созерцаніи сокровенной отъ другихъ сущности вещей, которое дается только Духомъ Божіимъ духу человѣческому . . .

Вотъ почему мы, русскіе люди, уже научились и должны научиться до конца и навсегда — подходить къ Пушкину, не отъ деталей его эмпирической жизни и не отъ анекдотовъ о немъ, но отъ главнаго и священнаго въ его личности, отъ вѣчнаго въ его творествѣ, отъ его купины неопалимой, отъ его пророческой очевидности, отъ тѣхъ божественныхъ искръ, которыя посылали ему навстрѣчу всѣ вещи и всѣ событія, отъ того глубиннаго пѣнія, которымъ все на свѣтѣ отвѣчало его зову и слуху; словомъ — отъ того духовнаго акта, которымъ русскій Пушкинъ созерцалъ и творилъ Россію, и отъ тѣхъ духовныхъ содержаній, которыя онъ усмотрѣлъ въ русской жизни, въ русской исторіи и въ русской душѣ, и которыми онъ утвердилъ наше національное бытіе. Мы должны изучать и любить нашего дивнаго поэта, исходя отъ его при-

званія, отъ его служенія, отъ его идеи. И тогда только мы сумѣемъ любовно постигнуть и его жизненный путь, во всѣхъ его порывахъ, блужданіяхъ и вихряхъ, — ибо мы убѣдимся, что храмъ, только что покинутый Божествомъ, остается храмомъ, въ который Божество возвратится въ слѣдующій и во многіе слѣдующіе часы, и что о жилищѣ Божіемъ позволительно говорить только съ благоговѣйною любовью . . .

2.

И вотъ, первое, что мы должны сказать и утвердить о немъ, это его русскость, его неотдѣлимость отъ Россіи, его насыщенность Россіей.

Пушкинъ былъ живымъ средоточіемъ русскаго духа, его исторіи, его путей, его проблемъ, его здоровыхъ силъ и его больныхъ узловъ. Это надо понимать — и исторически, и метафизически.

Но, высказывая это, я не только не имѣю въ виду подтвердить воззрѣніе, высказанное Достоевскимъ въ его извѣстной рѣчи, а хотѣлъ бы по существу не принять его, отмежеваться отъ него.

Достоевскій¹⁾, признавая за Пушкинымъ способность къ изумительной „всемирной отзывчивости“, къ „революціи въ чужую національность“, къ „революціи, почти совершенному, въ духъ чужихъ народовъ“, усматривалъ самую сущность и призваніе русскаго народа въ этой „всечеловѣчности“ . . . „Что такое сила духа русской народности“, восклицалъ онъ, „какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемирности и ко всечеловѣчности?“ „Русская душа“ есть „всеединящая“,

¹⁾ См. „Дневникъ Писателя“ за 1880 годъ.

„всепримиряющая“ душа. Она „наиболѣе способна вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія“. „Назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное“. „Стать настоящимъ русскимъ, можетъ быть, и значить только (въ концѣ концовъ . . .) стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ . . .“ „Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ приобрѣтенная, а силою братства“. Итакъ: „стать настоящимъ русскимъ“ значитъ „стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть и изречь окончательно Слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону“.

Согласно этому и русскость Пушкина сводилась у Достоевскаго къ этой всемірной отзывчивости, перевоплощаемости въ иностранное, ко всечеловѣчности, всепримиренію и всесоединенію; да, можетъ быть, еще къ выдѣленію „положительныхъ“ человѣческихъ образовъ изъ среды русскаго народа.

Однако, на самомъ дѣлѣ, — русскость Пушкина не опредѣляется этимъ и не исчерпывается.

Всеми́рная отзывчивость и способность къ художественному отождествленію дѣйствительно присуща Пушкину, какъ геніальному поэту, и, притомъ, русскому поэту, въ высокой, въ величайшей степени. Но эта отзывчивость гораздо шире, чѣмъ составъ „другихъ народовъ“: она связываетъ поэта со всей вселенной. — И съ міромъ ангеловъ, и съ міромъ демоновъ, — то

„искушающихъ Провидѣніе“ „неистошимою клеветою“, то кружащихся въ „мутной мѣсяца игрѣ“ „среди невѣдомыхъ равнинъ“, то впервые смутно познающихъ „жаръ невольнаго умиленья“ при видѣ поникшаго ангела, сіяющаго „у вратъ Эдема“. Эта сила художественнаго отождествленія связываетъ поэта, далѣе, — со всею природою: и съ ночными звѣздами, и съ выпавшимъ снѣгомъ, и съ моремъ, и съ обваломъ, и съ душою встревоженнаго коня, и съ лѣснымъ звѣремъ, и съ гремящимъ громомъ, и съ анчаромъ пустыни; словомъ — со всѣмъ внѣшнимъ міромъ. И, конечно, прежде всего и больше всего — со всѣми положительными, творчески созданными и накопленными сокровищами духа своего собственного народа.

Ибо „міръ“ — не есть только человѣческій міръ другихъ народовъ. Онъ есть — и сверхчеловѣческій міръ божественныхъ и адскихъ обстояній, и еще не человѣческій міръ природныхъ тайнъ, и человѣческій міръ родного народа. Всѣ эти великіе источники духовнаго опыта даются каждому народу исконно, непосредственно и неограниченно; а другіе народы даются лишь скудно, условно, опосредствованно, издали. Познать ихъ нелегко. Повторять ихъ не надо, невозможно, нелѣпо. Заимствовать у нихъ можно только въ крайности и съ великой осторожностью . . . И что за плачевная участь была бы у того народа, главное призваніе котораго состояло бы не въ самостоятельномъ созерцаніи и самобытномъ творествѣ, а въ вѣчномъ перевоплощеніи въ чужую національность, въ цѣленіи чужой тоски, въ примиреніи чужихъ противорѣчій, въ созиданіи чужого единенія!? Какая судьба постигнетъ русскій народъ, если ему Европа и „арійское племя“ въ самомъ дѣлѣ будутъ столь же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли!? . . .

Тотъ, кто хочетъ быть „братомъ“ другихъ народовъ, долженъ самъ сначала стать и быть, — творчески, самобытно, самостоятельно: созерцать Бога и дѣла Его, растить свой духъ, крѣпить и воспитывать инстинктъ своего національнаго самосохраненія, по свѣому трудиться, строить, властвовать, пѣть и молиться. Настоящій русскій есть прежде всего русскій и лишь въ мѣру своей содержательной, качественной, субстанціальной русскости онъ можетъ оказаться и „сверхнаціонально“ и „братски“ настроеннымъ „всечеловѣкомъ“. И это относится не только къ русскому народу, но и ко всѣмъ другимъ: національно безликій „всечеловѣкъ“ и „всенародъ“ не можетъ ничего сказать другимъ людямъ и народамъ. Да и никто изъ нашихъ великихъ, — ни Ломоносовъ, ни Державинъ, ни Пушкинъ, ни самъ Достоевскій — практически никогда не жили иностранными, инородными отображеніями, тѣнями чужихъ созданій, никогда сами не ходили и насъ не водили побираться подъ европейскими окнами, выпрашивая себѣ на духовную бѣдность крохи со стола богатыхъ . . .

Не будемъ же наивны и скажемъ себѣ зорко и опредѣлительно: заимствованіе и подражаніе есть дѣло не „геніальнаго перевоплощенія“, а беспочвенности и бессилія. И подобно тому, какъ Шекспиръ въ „Юліи Цезарѣ“ остается геніальнымъ англичаниномъ; а Гете въ „Ифигеніи“ говоритъ, какъ геніальный германецъ; и Донъ-Жуанъ Байрона никогда не былъ испанцемъ, — такъ и у геніальнаго Пушкина: и Скупой Рыцарь, и Анджемо, и Сальери, и Жуанъ, и все, по имени чужестранное или по обличію „напоминающее“ Европу, — есть русское, національное, геніально-творческое видѣніе, узрѣнное въ просторахъ общечеловѣческой тематики. Ибо геній творитъ изъ глубины національнаго духовнаго опыта, творитъ, а не заимствуетъ и не подра-

жаеть. За иноземными именами, костюмами и всяческими „сходствами“ паритъ, цвѣтетъ, страдаетъ и ликуеть національный духъ народа. И если онъ, гениальный поэтъ, перевоплощается во что нибудь, то не въ духъ другихъ народовъ, а лишь въ художественные предметы, быть можетъ до него узрѣнные и по своему воплощенные другими народами, но общіе всѣмъ вѣкамъ и доступные всѣмъ народамъ.

3.

Вотъ почему, утверждая русскость Пушкина, я имѣю въ виду не гениальную обращенность его къ другимъ народамъ, а самостоятельное, самобытное, положительное творчество его, которое было русскимъ и национальнымъ.

Пушкинъ есть чудеснѣйшее, цѣлостное и побѣдное цвѣтеніе русскости. Это первое, что должно быть утверждено навсегда.

Рожденный въ переходную эпоху, черезъ 37 лѣтъ послѣ государственнаго освобожденія дворянства, ушедшій изъ жизни за 24 года до соціально-экономическаго и правового освобожденія крестьянства, Пушкинъ возглавляетъ собою творческое цвѣтеніе русскаго культурнаго общества, еще не протрезвившагося отъ дворянскаго бунтарства, но уже подготовляющаго свои силы къ отмѣнѣ крѣпостного права и къ созданію единой Россіи.

Пушкинъ стоитъ на великомъ переломѣ, на гребнѣ историческаго перевала. Россія заканчиваетъ собираніе своихъ территоріальныхъ и многонаціональныхъ силъ, но еще не расцвѣла духовно: еще не освободила себя соціально и хозяйственно, еще не развернула цѣликомъ своего культурно-творческаго акта, еще не раскрыла красоты и мощи своего языка, еще не увидѣла ни своего національнаго лика, ни своего безгранично-свободнаго

духовнаго горизонта. Русская интеллигенція еще не родилась на свѣтъ, а уже литературно-западничаетъ и учится у французовъ революціоннымъ заговорамъ. Русское дворянство еще не успѣло приступить къ своей самостоятельной, культурно-государственной мисси; оно еще не имѣетъ ни зрѣлой идеи, ни опыта, а отъ 18 вѣка оно уже унаслѣдовало преступную привычку терроризовать своихъ государей дворцовыми переворотами. Оно еще не образовало своего разума, а уже начинаетъ утрачивать свою вѣру и съ радостью готово брать „уроки чистого атеизма“ у доморощенныхъ или заѣзжихъ вольтеріанцевъ. Оно еще не опомнилось отъ Пугачева, а уже начинаетъ забывать впечатлѣнія отъ этого кровавого погрома, этого недавняго отголоска исторической татарщины. Оно еще не срослось въ великое національное единство съ простонароднымъ крестьянскимъ океаномъ; оно еще не научилось чтить въ простолудинѣ русскій духъ и русскую мудрость и воспитывать въ немъ русскій національный инстинктъ; оно еще крѣпко въ своемъ крѣпостническомъ укладѣ, — а уже начинаетъ въ лицѣ декабристовъ носиться съ идеей безземельнаго освобожденія крестьянъ, не помышляя о томъ, что крестьянинъ безъ земли станетъ беспочвеннымъ наемникомъ, порабощеннымъ и вѣчно бунтующимъ пролетаріемъ. Русское либерально-революціонное дворянство того времени принимало себя за „соль земли“ и потому мечтало объ ограниченіи правъ монарха, неограниченныя права котораго тогда какъ разъ сосредоточивались, подготавливаясь къ сверхсословнымъ и сверхклассовымъ реформамъ; дворянство не видѣло, что великія народо-любивыя преобразованія, назрѣвавшія въ Россіи, могли быть осуществлены только полновластнымъ главой государства и вѣрной, культурной интеллигенціей; оно не понимало, что Россіи

необходимо мудрое, государственное строительство и подготовка къ нему, а не сѣянiе революціоннаго вѣтра, не разложеніе основъ національнаго бытія; оно не разумѣло, что воспитаніе народа требуетъ довѣрчиваго изученія его духовныхъ силъ, а не сословныхъ заговоровъ противъ государя. . .

Россія стояла на великомъ историческомъ распутіи, загроможденная нерѣшенными задачами и ни къ чему внутренно не готовая, когда ей былъ посланъ прозорливый и свершающій геній Пушкина, — Пушкина пророка и мыслителя, поэта и національнаго воспитателя, историка и государственнаго мужа. Пушкину даны были духовныя силы въ исторически единственномъ сочетаніи. Онъ былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣли быть многіе изъ гениальныхъ людей запада. Ему былъ данъ поэтическій даръ, восхитительной, кипучей, импровизаторской легкости; классическое чувство мѣры и безошибающійся художественный вкусъ; сила остраго, быстраго, яснаго, прозорливаго, глубокаго ума и справедливаго сужденія, о которомъ Гоголь какъ то выразился: „если самъ Пушкинъ думалъ такъ, то уже вѣрно, это сущая истина“ . . . Пушкинъ отличался изумительной прямою, благородной простотою, чудесной искренностью, неповторимымъ сочетаніемъ доброты и рыцарственной мужественности. Онъ глубоко чувствовалъ свой народъ, его душу, его исторію, его миѳъ, его государственный инстинктъ. И при всемъ томъ онъ обладалъ той вдохновенной свободой души, которая умѣетъ искать новые пути, не считаясь съ запретами и препонами, которая иногда превращала его по внѣшней видимости въ „беззаконную комету въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“, но которая по существу подобала его генію и была необходима его пророческому призванію.

А призваніе его состояло въ томъ, чтобы при-

нять душу русскаго человѣка во всей ея глубинѣ, во всемъ ея объемѣ и оформить, прекрасно оформить ее, а вмѣстѣ съ нею — и Россію. Таково было великое заданіе Пушкина: принять русскую душу во всѣхъ ея исторически и національно сложившихся трудностяхъ, узлахъ и страстяхъ; и найти, выносить, выстрадать, осуществить и показать всей Россіи — достойный ея творческій путь, преодолевающій эти трудности, развязывающій эти узлы, вдохновенно облагораживающій и оформляющій эти страсти.

Древняя философія называла міръ въ его великомъ объемѣ — „макрокосмомъ“, а міръ, представленный въ малой ячейкѣ, — „микрокосмомъ“. И вотъ, русскій макрокосмъ долженъ былъ найти себѣ въ лицѣ Пушкина нѣкій цѣлостный и геніальный микрокосмъ, которому надлежало включить въ себя все величіе, всѣ силы и богатства русской души, ея дары и ея таланты, и, въ то же время, — всѣ ея соблазны и опасности, всю необузданность ея темперамента, всѣ исторически возникшіе недостатки и заблужденія; и все это — пережечь, перекалить, переплавить въ огнѣ геніальнаго вдохновенія: изъ душевнаго хаоса создать душевный космосъ и показать русскому человѣку къ чему онъ призванъ, что онъ можетъ, что въ немъ заложено, чего онъ безсознательно ищетъ, какія глубины дремлютъ въ немъ, какія высоты зовутъ его, какою духовною мудростью и художественною красотой онъ повиненъ себѣ и другимъ народамъ и, прежде всего, конечно — своему всеблагому Творцу и Создателю.

Пушкину была дана русская страсть, чтобы онъ показалъ, сколь чиста, побѣдна и значительна она можетъ быть и бываетъ, когда она предается боговдохновеннымъ путямъ. Пушкину былъ данъ русскій умъ,

чтобы онъ показалъ, къ какой безошибочной предметности, къ какой сверкающей очевидности онъ бываетъ способенъ, когда онъ несомъ сосредоточеннымъ созерцаніемъ, благородною волею и всевнемлющей, всеотверстой, духовно свободной душой . . .

Но въ то же время Пушкинъ долженъ былъ быть и сыномъ своего вѣка, и сыномъ своего поколѣнія. Онъ долженъ былъ принять въ себя всѣ отрицательныя черты, струи и тяготѣнія своей эпохи, всѣ опасности и соблазны русскаго интеллигентскаго міросозерцанія, — не для того, чтобы утвердить и оправдать ихъ, а для того, чтобы одолѣть ихъ и показать русской интеллигенціи, какъ ихъ можно и должно побѣждать.

Въ то время Европа переживала эпоху утверждающагося религіознаго сомнѣнія и отрицанія, эпоху философски оформляющагося безбожія и пессимизма, поэтически распускающагося богоборчества и кощунственнаго эротизма. Французскіе энциклопедисты и Вольтеръ, Байронъ и Парни привлекали умы русской интеллигенціи. Потомственно и преемственно начинается съ нихъ и Пушкинъ, съ тѣмъ, чтобы преодолѣть ихъ духъ. Опустошительное дѣйствіе этого духа описано имъ въ его ранней элегіи „Безвѣріе“ (1817) и позднѣе, со скорбной ироніей, въ стихотвореніи „Демонъ“ (1823). Творческое безплодіе этого духа было разоблачено и приговорено въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (1822—1831). Изъ восьми главъ этого „романа въ стихахъ“ не было закончено и четыре, когда, въ апрѣлѣ 1825 года, въ годовщину смерти Байрона, Пушкинъ, еще не увѣровавъ всей душой, какъ это было въ послѣдніе годы его жизни, заказываетъ обѣдню „за упокой раба Божія боярина Георгія“, т. е. Байрона, и вынужденную просвиру пересылаетъ своему брату Льву Сергѣевичу, — поступокъ столь же религіозный, сколь и жизненно-символическій. Въ 1827 году онъ записываетъ о

Байронъ формулы безошибочной мѣткости, духовнаго и художественнаго преодоленія. А еще через нѣсколько лѣтъ онъ пригвозждаетъ мимоходомъ и энциклопедистовъ, и Вольтера, — прозорливымъ и точнымъ словомъ:

. . . „Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый“ . . .
(„К. Вельможъ“, 1829).

Впослѣдствіи близкіе друзья его, Плетневъ и князь Вяземскій, отмѣчали его высоко-религіозное настроеніе: „Въ послѣдніе годы жизни своей“, пишетъ Вяземскій, „онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать Евангеліе, былъ проникнутъ красотой многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ“ . . . —

Въ то время Европа переживала великое потрясеніе французской революціи, заразившей души другихъ народовъ, но не изжившейся у нихъ въ кровавыхъ буряхъ. Русская интеллигенція вослѣдъ за западомъ бредила свободой, равенствомъ и революціей. За убіеніемъ французскаго короля послѣдовало цареубійство въ Россіи. Возстаніе казалось чѣмъ то спасительнымъ и доблестнымъ.

Пушкинъ пріобщается къ этому недугу, чтобы одолѣть его. Достаточно вспомнить его раннія созданія „Вольность“ (1819), „В. Л. Давыдову“ (1821), „Кинжалъ“ (1821) и другія. Но и тогда уже онъ постигъ своимъ благороднымъ сердцемъ и выговорилъ, что цареубійство есть дѣло „вѣроломное“, „преступное“ и „безславное“; что рабство должно пасть именно „по манію царя“ („Деревня“, 1819); что вѣрный исходъ не въ беззаконіи, а въ томъ, чтобы „свободною душой законъ боготворить“ (тамъ же). Прошло шесть лѣтъ и въ судьбѣ Андрэ Шенье Пушкинъ силою своего ясновидящаго воображенія

постигъ природу революціи, ея отвратительное лицо и ея закономѣрный ходъ, и выговорилъ все это съ суровой ясностью, какъ вѣчный приговоръ („Андрей Шенье“, 1825). И когда съ 1825 года началось его сближеніе съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, оцѣнившимъ и его гениальный поэтический даръ, и его изумительный умъ, и его благородную, храбрую прямоту, — когда двѣ рыцарственныя натуры узнали другъ друга и повѣрили другъ другу, — то это было со стороны Пушкина не „измѣной“ прошлому, а вдохновеннымъ шагомъ зрѣлаго и мудраго мыслителя. Въ эти часы ихъ перваго свиданія въ Николаевскомъ дворцѣ Московскаго Кремля — былъ символически заложенъ первый камень великихъ реформъ Императора Александра Второго . . . И какимъ безошибочнымъ предвидѣніемъ звучать эти пушкинскія слова, начертанныя поэтомъ послѣ изученія исторіи Пугачевскаго бунта: „Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и беспощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, а чужая головушка полушка“ . . .

4.

Такъ совершалъ Пушкинъ свой духовно-жизненный путь: отъ разочарованнаго безвѣрія — къ вѣрѣ и молитвѣ; отъ революціоннаго бунтарства — къ свободной лояльности и мудрой государственности; отъ мечтательнаго поклоненія свободѣ — къ органическому консерватизму; отъ юношескаго многолюбія — къ культу семейнаго очага *). Исторія его личнаго развитія раскрывается

*) Срв. : „Домовому“ (1819), „Еще одной высокой, важной пѣсни“ (1829), „Евгеній Онѣгинъ“ глава 8, „Два чувства“ (1831) и др.

передъ нами, какъ постановка и разрѣшеніе основныхъ проблемъ всероссійскаго духовнаго бытія и русской судьбы. Пушкинъ всю жизнь неутомимо искалъ и учился. Именно поэтому онъ призванъ былъ учить и вести. И то, что онъ находилъ, онъ находилъ не отвлеченнымъ только размышленіемъ, а своимъ собственнымъ бытіемъ. Онъ самъ былъ и становился тѣмъ, чѣмъ онъ „училъ“ быть. Онъ училъ, не уча и не желая учить, а становясь и воплощая.

То, что его вело, была любовь къ Россіи, страстное и радостное углубленіе въ русскую стихію, въ русское прошлое, въ русскую душу, въ русскую просто-народную жизнь. Созерцая Россію, онъ ничего не идеализировалъ и не преувеличивалъ. Отъ сентиментальной фальши позднѣйшихъ народниковъ онъ былъ совершенно свободенъ. Вѣдь это онъ въ своемъ раннемъ стихотвореніи „Деревня“ писалъ:

„Вездѣ невѣжества губительный позоръ“ . . .

„Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона“ . . .

„Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ“ . . .

Это онъ поставилъ эпиграфомъ ко второй главѣ „Евгенія Онѣгина“ гораціевскій вздохъ „О, rus!“, — т. е. „о, деревня!“, и перевелъ по русски „О, Русь!“, — т. е. приравнялъ Россію къ великой деревнѣ. Это онъ въ минуту гнѣва или протеста противъ своего изгнанія восклицалъ: „Святая Русь мнѣ становится не въ терпежь“ (1824); „я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ“ (1826); „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ.“ (1836). Это онъ написалъ (1823)

„Паситесь, мирные народы!

Васъ не пробудитъ чести кличъ!

Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремящими да бичь.“

Словомъ, Пушкинъ не идеализировалъ русскій строй и русскій бытъ. Но, имѣя русскую душу, онъ изъ самой глубины ея началъ вслушиваться въ душу русскаго народа и узнавать ея глубину въ себѣ, а свою глубину въ ней. Для этого онъ имѣлъ двѣ возможности: непосредственное общеніе съ народомъ и изученіе русской исторіи.

Пушкинъ черпалъ силу и мудрость, припадая къ своей землѣ, проникая ко всѣмъ проявленіямъ русскаго простонароднаго духа и проникая черезъ нихъ къ самой субстанціи его. Сказки, которыя онъ слушалъ у няни Арины Родионовны, имѣли для него тотъ-же смыслъ, какъ и пѣніе стиховъ о Лазарѣ вмѣстѣ съ монастырскими нищими. Онъ здоровался за руку съ крѣпостными и вступалъ съ ними въ долгія бесѣды. Онъ шелъ въ хороводъ, слушалъ пѣсни, записывалъ ихъ и самъ плясалъ вмѣстѣ съ дѣвушками и парнями. Онъ никогда не пропускалъ Пасхальной Заутрени и всегда звалъ друзей „услышать голосъ русскаго народа“ (въ отвѣтъ на христосованіе священника). Онъ ѣдетъ въ Нижній, Казань, Оренбургъ, по казачьимъ станицамъ, и въ личныхъ бесѣдахъ собираетъ воспоминанія старожиловъ о Пугачевѣ. Всегда и всюду онъ впитываетъ въ себя живую Россію и напитывается ея живою субстанціей. Мало того: онъ входитъ въ бытъ русскихъ народовъ, которыхъ онъ воспринимаетъ не какъ инородцевъ въ Россіи, а какъ русскіе народы. Онъ перенимаетъ ихъ обычаи, вслушивается въ ихъ говоръ. Онъ художественно облачается въ нихъ и, со всей своей непосредственностью, переодѣвается въ ихъ одежды. Со-

временники видѣли его во всевозможныхъ костюмахъ, и притомъ не въ маскарадахъ, а нерѣдко на улицахъ, на большихъ дорогахъ, дома и въ гостяхъ: въ русскомъ крестьянскомъ, нищенскомъ-странническомъ, въ турецкомъ, греческомъ, цыганскомъ, еврейскомъ, сербскомъ, молдавскомъ, бухарскомъ, черкесскомъ и даже въ самоѣдскомъ „ергакѣ“. Братски, любовно принялъ онъ въ себя русскую многонаціональную стихію во всемъ ея разнообразіи, и зналъ это самъ, и выговорилъ это, какъ бы въ формѣ „эпитафіи“:

„Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ“. . . . —

А второй путь его былъ — изученіе русской исторіи. Онъ принялъ ее всю, насколько она была тогда доступна и извѣстна, и всегда стремился къ ея первоисточникамъ. Его сужденія о „Словѣ о Полку Игоревѣ“ были не только самостоятельны, расходясь съ сужденіями тогдашней профессуры (Каченовскій), но оказались прозорливыми и вѣрными по существу. Зрѣлость и самобытность его воззрѣній на русскую исторію изумляла его друзей и современниковъ. Исторію Петра Великаго и пугачевского бунта онъ первый изучалъ по архивнымъ первоисточникамъ. Онъ питалъ творческіе замыслы, какъ историкъ, и хотѣлъ писать изслѣдованіе за изслѣдованіемъ.

Что же онъ видѣлъ въ Россіи и ея прошломъ? . . .
Вотъ его подлинныя записи.

„Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился м'ръ.“²⁾

²⁾ „Исторія Русскаго народа, сочиненіе Николая Полевого“. 1830.

„Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе Духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско католическихъ“.³⁾

„Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ“.⁴⁾

„Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судьбъ Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна“.⁵⁾

„Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою“ . . . ; „исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы“ . . .⁶⁾

У насъ не было ни „великой эпохи Возрожденія“, ни „рыцарства“, ни „крестовыхъ походовъ“. „Нашествіе Татаръ не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи“⁷⁾.

„Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпріятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества.“⁸⁾

³⁾ „Историческія замѣчанія“. 1822.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ „О русской литературѣ“ . . .

⁶⁾ „Исторія Русскаго Народа“. 1830.

⁷⁾ „О русской литературѣ“ . . .

⁸⁾ „О русской литературѣ“.

Петръ Великій. „Онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ къ нему еще близко, — надо отодвинуться на два вѣка, — но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно.“⁹⁾

Полноправіе русскихъ Государей „спасло насъ отъ чудовишнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бъ число дворянъ и заградили бъ для прочихъ сословіи путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ“.¹⁰⁾

„Напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными.“¹¹⁾

Напрасно почитаютъ ихъ и рабами: „Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смысленности говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны . . . Никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому . . . Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу“.¹²⁾

„Нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ“.¹³⁾

⁹⁾ В. И. Даль. Воспоминанія о Пушкинѣ. См. Вересаевъ. Пушкинъ въ жизни III стр. 112.

¹⁰⁾ „Историческія замѣчанія“. 1822.

¹¹⁾ Тамъ же.

¹²⁾ „Мысли на дорогѣ“. 1833—1834.

¹³⁾ „Историческія замѣчанія“.

„Твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ наряду съ просвѣщенными народами Европы.“¹⁴⁾

„Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное мало-душіе.“¹⁵⁾

„Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ.“¹⁶⁾

„Какъ матеріаль словесности языкъ Славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство передъ всѣми Европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива.“¹⁷⁾

„Клянусь вамъ моею честью, что я ни за что не согласился бы — ни перемѣнить родину, ни имѣть другую исторію, чѣмъ исторія нашихъ предковъ, какую намъ послалъ Богъ“.¹⁸⁾

Вотъ основы національно-историческаго созерцанія Пушкина. Вотъ его завѣщаніе. Вотъ его пріятіе и исповѣданіе Россіи. Оно возвращено любовью къ русскому народу, върою въ его духовныя силы, въ благородство его натуры, въ его само-бытность и своеобразіе, въ его религіозную искренность, въ сокровенную сталь его характера.

„Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ“.

И еще:

„Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!“

¹⁴⁾ Тамъ же.

¹⁵⁾ „Отрывки“ 1827.

¹⁶⁾ „О народномъ воспитаніи“. 1826.

¹⁷⁾ „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“. 1825.

¹⁸⁾ Письмо къ Чаадаеву.

Пушкинъ, какъ никто до него, видѣлъ Россію до глубины. Онъ видѣлъ ее по русски. А видѣть по русски — значитъ видѣть сердцемъ. И онъ самъ зналъ это; потому и написалъ: „Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви“.¹⁹⁾ Но именно силою любви онъ и могъ разрѣшить свое великое заданіе.

5.

Это заданіе состояло въ томъ, чтобы духовно наполнить и оформить русскую душевную свободу, — и тѣмъ оправдать ее религіозно и исторически, и тѣмъ указать ей ея пути, и тѣмъ заложить основу ея воспитанія, и тѣмъ пророчески указать русскому народу его жизненную цѣль.

Вотъ она, эта цѣль: жить въ глубочайшей цѣльности и искренности — божественными содержаніями — въ совершенной формѣ . . .

Кто, кромѣ Пушкина, могъ поднять такое заданіе? И чѣмъ, если не боговдохновеннымъ вдохновеніемъ, возможно разрѣшить его? А Пушкинъ принялъ его, разрѣшилъ и совершилъ.

Свобода — вотъ воздухъ Россіи, которымъ она дышетъ и о которомъ русскій человѣкъ всюду тоскуетъ, если онъ лишенъ его. Я разумѣю не тягу къ анархіи, не соблазнъ саморазнузданія, и не политическую свободу. Нѣтъ, это есть та свобода, которая уже присуща русскому человѣку, изначально данная ему Богомъ, природою, славянствомъ и вѣрою; — свобода, которую надо не завоевывать, а достойно и творчески нести, духовно наполнять, осуществлять, освящать, оформлять . . . Я разумѣю свободу, какъ способъ быть и дѣйстви-

¹⁹⁾ „Александръ Радищевъ“. 1836.

вать; какъ укладъ души и инстинкта; какъ живой стиль чувства и его проявленія, — естественнаго, непосредственнаго, откровеннаго въ личномъ и искренняго въ великомъ. Я разумѣю свободу, какъ ритмъ дыханія, рѣчи, пѣсни и походы, какъ размахъ души и полетъ духа; какъ живой способъ подходить ко всему и вступать со всѣми вещами и людьми — въ отношеніе и общеніе.

Русскій человекъ чувствуетъ ее въ себѣ и въ другомъ; а въ комъ онъ ея не чувствуетъ, тѣмъ онъ тяготится. А западные народы доселѣ не постигаютъ ея въ насъ; и доселѣ, когда замѣчаютъ ее, даютъ ей неподходящія или даже пренебрежительныя названія; и осуждаютъ ее и насъ за нее, — пока не побываютъ у насъ въ здоровой Россіи²⁰⁾; а побывавъ, вкусивъ ея, насладившись ею, часто любятъ на всю жизнь эту русскую свободу, — и насъ за нее . . .

Пушкинъ самъ дышалъ этой свободой, упоенно наслаждался ею и постепенно нашелъ пути къ ея вѣрному употребленію, къ вѣрному, идеальному, классически-совершенному наполненію ея и пользованію ею. И потому онъ сталъ русскимъ національнымъ учителемъ и пророкомъ.

Эта внутренняя, жизненно-душевная свобода выражается въ чертахъ, свойственныхъ русскому характеру и русскому общественному укладу. Таковы эти черты: душевнаго простора, созерцательности, творческой легкости, страстной силы, склонности къ дерзновенію, опьянѣнію мечтою, щедрости и расточительности, и, наконецъ, это искусство прожигать быть смѣхомъ и побѣждать страданіе юморомъ.

²⁰⁾ Срв. у Пушкина: „Разговоръ съ англичаниномъ“. „Я. — Что поразило васъ болѣе всего въ Русскомъ крестьянинѣ? „Онъ. — Его опрятность и свобода“. Изъ „Мыслей на дорогѣ“. 1833—1834.

Эти національно-русскія черты таятъ въ себѣ великія возможности и немалыя опасности. Въ нихъ расцвѣлъ талантъ и геній Пушкина. И, расцвѣтши въ нихъ, — онъ ими овладѣлъ, ихъ наполнилъ, оформилъ и освятилъ. И именно поэтому онъ сталъ русскимъ національнымъ воспитателемъ и предвозвѣстителемъ.

6.

И вотъ, эта русская душевная свобода выражается, прежде всего, въ особомъ просторѣ души, въ ея объемности и всеоткрытости. Это есть способность вмѣстить въ себя всѣ пространства земли и неба, всѣ діапазоны звуковъ, всѣ горизонты предметовъ, всѣ проблемы духа; — объять міръ отъ края и до края.

Опасность этой душевной открытости въ томъ, что душа останется пустою, незаселенною, безпредметною, или же начнетъ заселяться всѣмъ безъ разбора и безъ качественного предпочтенія. Начнется провалъ въ дурную бездну пустыни, въ ложную и праздную проблематичность, или же въ хаосъ всесмѣшенія. Для того, чтобы этого не случилось, нужна способность неутомимо „брать“, воспринимать, трудиться, учиться; — способность духовно голодать и, духовно питываясь, никогда не насыщаться. И еще — способность отличать главное отъ неглавнаго, предпочитать во всемъ главное, предметное, Божественное, и Имъ заселять себя и свои просторы.

Вся душа Пушкина была какъ бы отверстымъ алканіемъ. Онъ жилъ изъ своего глубокаго, абсолютно отзывчиваго чувствилища, — всему открытый, подобно самой русской землѣ, на все отзываясь, подобно воспѣтому имъ „эхо“. Вся жизнь его проходила въ воспріятіи все новыхъ міровъ и новыхъ плановъ бытія, въ вѣчномъ,

непроизвольно-творческомъ чтеніи Божіихъ іероглифовъ. Въ юности все, что ему посылала жизнь, затопляло его наводненіемъ, засыпало его лавиною, не встрѣчая властнаго, качественного отбора. Душа его захлебывалась, содрогалась, металась, — великое мѣшалось съ пустякомъ, священное съ шалостью, гениальное съ безпутнымъ. И друзьямъ его казалось подчасъ, что онъ „весь исшался“, ²¹⁾ что имъ не удастся „образумить“ эту „безпутную голову“ ²²⁾

Но гений мужаль и вдохновеніе поборало. Опытъ жизни дарилъ ему обиды и муки; разочарованія и испытанія рано несли ему мудрую горечь и науку качественного выбора. Радостно слѣдить, какъ Пушкинъ годъ за годомъ все болѣе преодолеваетъ свою и общерусскую опасность всесмѣшенія въ свободѣ; какъ „духовная жажда“ побѣждаетъ все; какъ вдохновенно онъ заселяетъ свои духовные просторы, — и наши. Гений наполнялъ и обуздывалъ игру таланта. Въ ребенкѣ зрѣлъ пророкъ. —

Эта всеоткрытость души дѣлаетъ ее воспріимчивою и созерцательною, въ высшей степени склонною къ тому, что Аристотель называлъ „удивленіемъ“, т. е. познавательнымъ дивованіемъ на чудеса Божьяго міра. Русская душа отъ природы созерцательна и во внѣшнемъ опытѣ, и во внутреннемъ, и глазомъ души, и окомъ духа. Отсюда ея склонность къ странничеству, паломничеству и бродяжеству, къ живописному и духовному „взиранію“.

Опасность этой созерцательной свободы состоитъ въ пассивности, въ безплодномъ наблюденіи, въ сонливой лѣни. Чтобы эта опасность не одолѣла, созерцатель-

²¹⁾ Письмо А. И. Тургенева къ Вяземскому отъ 28 авг. 1818 г.

²²⁾ Письмо Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву отъ 19 апрѣля 1820 г.

ность должна быть творческою, а лѣнь — собира-
ніемъ силъ или преддверіемъ вдохновенія . . .

Пушкинъ всю жизнь предавался внѣшнему и вну-
треннему созерцанію, и воспѣвалъ „лѣнь“; но чувство-
валъ, что онъ имѣлъ право на эту „лѣнь“, ибо вдохно-
веніе приходило къ нему именно тогда, когда онъ по-
зволялъ себѣ свободно и непринужденно пастись въ по-
ляхъ и лугахъ своего созерцанія. И, Боже мой, что это
была за „лѣнь“! Чѣмъ заполнялась эта „пассивная“,
„праздная“ созерцательность! Какіе плоды она давала!

Вотъ чему онъ предавался всю жизнь, вотъ куда
его влекла его „кочующая лѣнь“, его всежизненное, все-
россійское бродяжество:

„По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права! . . .

Правъ былъ Аристотель, отстаивая право на досугъ
для тѣхъ, въ комъ живетъ свободный духъ! Правъ былъ
Пушкинъ, воспѣвая свободное созерцаніе и творческое
бездѣліе! Онъ завѣщалъ каждому изъ насъ — заслужить
себѣ это право, осмыслить національно-русскую созерца-
тельность творчествомъ и вдохновеніемъ. —

Далѣе, эта русская душевная свобода выражается въ
творческой легкости, подвижности, гибкости, легкой
приспособляемости. Это есть нѣкая эмоціональная теку-
честь и пѣвучесть, склонность къ игрѣ и ко всякаго рода
импровизаціи. Это — основная черта русскости,
русской души. Опасность ея — въ пренебреженіи къ
труду и упражненію, къ духовной „наукѣ“; — въ без-
почвенной самонадѣянности, въ чрезмѣрной надеждѣ на
„авось“ и „какъ нибудь“ . . .

Пушкинъ былъ весь — игра, весь — творческая легкость, весь — огонь импровизаціи. Не за это ли друзья его, — Жуковскій, Вяземскій, Дельвигъ, — прозвали его „Сверчкомъ“? И вотъ, на протяженіи всей своей жизни онъ учится духовной концентраціи, предметному вниманію, сосредоточенному медитированію. Вотъ что означаютъ его признанія:

„Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ“;²³⁾

„Иль думы долгія въ душѣ моей питаю“;²⁴⁾

„И ваши творческія думы

Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.“²⁵⁾

И на протяженіи всей своей жизни онъ требуетъ отъ своего импровизаторскаго дара — совершенной формы. Строгость его требованій къ себѣ была неумолимой. Онъ всегда чувствовалъ, что онъ „долженъ“ сказать, и чего онъ „не властенъ“ и „не смѣетъ“ сказать.²⁶⁾ За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ пишетъ о себѣ: „Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами), а говорю еще хуже“. . .²⁷⁾

Итакъ, вотъ его завѣщаніе русскому народу: гори, играй, импровизируй, но всегда учись сосредоточенному труду и требуй отъ себя совершенной формы. —

Эта русская душевная свобода есть, далѣе, нѣкая внутренняя сила, сила страсти, сила жизненнаго заряда, темперамента, — для которой русскій народный эпосъ имѣетъ два описанія: „а сила то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается“. . .; и еще: „отъ земли стоялъ столбъ бы до небушки, ко столбу было бѣ золото

²³⁾ „Чаадаеву“. 1821.

²⁴⁾ „Осень“. 1830. „Еще одной высокой, важной пѣсни“. 1829.

²⁵⁾ „Деревня“. 1819.

²⁶⁾ См. его письмо къ Вяземскому. 1823.

²⁷⁾ „Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю“. 1828.

кольцо, за кольцо бы взялъ — Святорусску поворо- тиль“ . . .

Опасность этой страсти — въ ея бездуховности и противоразумности, въ ея личномъ своекорыстіи, въ ея духовной безпредметности, въ ея чисто-азіатскомъ безудержѣ . . . Кто не знаетъ этой русской страстности, грозящаго ей разлива, ея гона, ея скáчки, ея неистовства, ея гомона, — „Пугачевскаго“, сказалъ Пушкинъ, „Карамазовскаго“, сказалъ Достоевскій, „Дядю Ерошку“ назвалъ Левъ Толстой, — тотъ, по истинѣ, не знаетъ Россію. Но и обратно скажу: кто не знаетъ духовнаго, религіознаго, разумнаго и государственнаго преображенія этой русской страстности, — прежде всего нашихъ православныхъ Святыхъ, и далѣе, Мономаха, Невскаго, Скопина-Шуйскаго, Гермогена, Петра Великаго, Ломоносова, Достоевскаго и другихъ, вплоть до нашихъ черныхъ дней, — тотъ тоже не знаетъ Россію . . .

Въ ряду этихъ русскихъ великановъ страсти и духа — Пушкину принадлежитъ свое особое мѣсто. Одинъ изъ его современниковъ, поэтъ Ф. Н. Глинка, пишетъ о немъ: „Пушкинъ былъ живой вулканъ, внутренняя жизнь была изъ него огненнымъ столбомъ“²⁸⁾. И этому черезъ край уходящему кипѣнію души, этому страстному изверженію соответствовали — пронизывающая сила остраго ума, безошибающійся эстетическій вкусъ, качественное благородство души и способность трепетомъ и умиленіемъ отвѣчать на все Божественное.

И вотъ, здѣсь мы касаемся одной изъ великихъ тайнъ Пушкина и его пророческаго духа. Именно: страсть, озаренная до глубины разумомъ, есть новая страсть — сила духовной очевидности. Разумъ, насыщенный страстью изъ глубины, есть новый

²⁸⁾ Письмо къ Ивановскому отъ 27 ноября 1827. См. Вересаевъ II, 107.

разумъ — буря глубокомыслія. Страсть, облеченная въ художественный вкусъ, есть сила поэтическаго вдохновенія. Страсть, изливающаяся въ совѣстное благородство, есть сразу: совѣсть, отвѣтственная свобода духа и беззавѣтное мужество души. Страсть, сочетающаяся съ религіозной чуткостью, есть даръ прозрѣнія и пророчества. Въ орлеми пареніи страсти рождается новый человѣкъ. Въ страстномъ насыщеніи духа новый человѣкъ возносится къ Богу. Молнія пробуждаетъ вулканъ и вулканъ извергаетъ „сокровенная и тайная“ . . .

Такъ возникаетъ передъ нами сіяющій обликъ Пушкина — поэта и пророка. Отсюда рождались его вдохновеннѣйшія созданія: „Пророкъ“, „Поэтъ“, „Вакхическая Пѣснь“, „Царь“, „Поэту“, „Монастырь на Казбекѣ“ и другія, неисчислимыя.

И голосъ этого пророческаго зова, обращеннаго къ Россіи, не забудется, пока русскій народъ будетъ существовать на землѣ: — Страсть есть сила, Богомъ даруемая; не въ ней грѣхъ, а въ злоупотребленіи ею. Ищи ея одухотворенія, русскій человѣкъ, и ты создашь великое. И на твой безудержъ есть совершенная мѣра благородства, вкуса, разума и вѣры. . . —

Вотъ почему эта свобода является свободой дерзновенія.

Пушкинъ, какъ настоящій русскій человѣкъ, жилъ въ формахъ отваги и мужества: — не только политическаго, но и общественнаго; не только общественнаго, но и личнаго, не только бытовою храбростью, но и духовнымъ дерзаніемъ.

Остро и чутко испытывая вопросы личной чести, онъ былъ готовъ въ любой моментъ поставить свое мужество на публичное испытаніе. Въ этомъ смыслѣ его дуэлей. Итти къ барьеру, вызвать на дуэль, послать

противнику картель — не затрудняло его. И подь пулею противника онъ стоялъ съ тѣмъ же потрясающимъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ мчался на Кавказѣ въ атаку противъ горцевъ.

Съ тѣмъ-же рыцарственнымъ мужествомъ онъ заявилъ Императору Николаю Павловичу, при первомъ же свиданіи, что онъ по прежнему любитъ и уважаетъ декабристовъ и что только случай спасъ его отъ участія въ демонстраціи на площади.

Съ такою же легкою и отважною безпечностью онъ совершалъ по всей Россіи свои безчисленныя шалости, которыя потомъ передавались изъ устъ въ уста, волнуя сердца обывателей²⁹⁾.

А когда это дерзновеніе творчески осмысливалось и духовно углублялось — тогда оно приводило его въ искусствѣ къ гранямъ жизни и смерти, къ предѣламъ мистическаго опыта и запредѣльнаго міра. Смерть не страшила его, а звала его, говоря его сердцу „о тайнахъ вѣчности и гроба“. Вотъ откуда родился этотъ гимнъ, звучащій исповѣдью:

„Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ“

²⁹⁾ „Шалости обнаруживающія смѣлость и пылкость характера“.
„Метель“.

Пушкинъ жилъ въ нѣкой изумительной увѣренности, что грань смерти не страшна и удобопереступаема; что тѣлесная жизнь и тѣлесная мука не существенны; что земная жизнь не есть конецъ личнаго бытія и что общеніе съ умершими возможно въ силу таинственныхъ, отъ Бога установленныхъ законовъ мірозданія. Вотъ откуда возникли такія дерзающія и ужасныя творенія его, какъ „Заклинаніе“, „Для береговъ отчизны дальней“, „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, „Герой“, „Строфы къ Родригу“, „Утопленникъ“, „Каменный Гость“, „Пиковая Дама“, „Пиръ во время чумы“, „Русалка“, „Мѣдный всадникъ“.

Съ тою-же величавою простотою и скромнымъ мужествомъ онъ ушелъ и самъ изъ жизни, повергнувъ въ трепетъ своихъ друзей и въ умиленіе — своего духовнаго отца. Онъ жилъ и ушелъ изъ жизни, какъ человекъ дивнаго мужества, какъ поэтъ дерзающаго вдохновенія, какъ рыцарь и прозорливецъ. Онъ жилъ и умеръ, какъ человекъ всегда пребывавшій одною и притомъ существеннѣйшею частью своего существа въ потустороннемъ мірѣ. И, уходя, онъ завѣщалъ русскому народу: свободенъ тотъ, кто не дорожитъ земною жизнью, кто властно дерзаетъ передъ землею смертию, не полагая ее своимъ концомъ. Свободенъ тотъ, кто, творя по совѣстному вдохновенію волю Божію³⁰⁾, помышляетъ не о судьбѣ своей земной личности, а лишь о духовной вѣрности своихъ свершеній. Таковъ Аріонъ, сей „таинственный пѣвецъ“, полный „безпечной вѣры“ и вѣрный своимъ „гимнамъ“. Онъ — въ рукѣ Божіей, ибо

„Наперснику боговъ не страшны бури злыя:

Надъ нимъ ихъ промысль высокій и святой . . .“³¹⁾

³⁰⁾ „Велѣнью Божію, о муза, будь послушна“ . . .

³¹⁾ Дельвигу. 1817.

Именно изъ этого метафизическаго самочувствія возникло и окрѣпло у Пушкина великое довѣріе къ своему художественному воображенію. Свобода мечты, — столь характерная для русской души, была присуща ему въ высшей степени.

Опасность этой свободы, отмѣченная Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, Гоголемъ — въ образѣ Манилова, Гончаровымъ — въ образѣ Обломова, Достоевскимъ и Чеховымъ во множествѣ образовъ, — состоитъ въ духовной безпредметности и жизненной беспочвенности мечтанія, въ его сердечномъ холодѣ, въ безотвѣтственной пассивности, въ личной пустотѣ и пошлой незначительности. Мечтательность есть великій даръ и великій соблазнъ русскаго человѣка. Черезъ нее онъ вкушаетъ призрачную свободу, а самъ остается въ мнимости и ничтожествѣ. Это есть своего рода душевное „піанство“, которое слишкомъ часто ведетъ къ бытовому пьянству и завершается запоемъ . . .

Пушкинъ, хорошо знавшій налеты этого піанственнаго буя, самъ же и противопоставилъ ему классическую силу духовнаго трезвенія. И вотъ, блужданія мечты повели его къ духовной реальности; — не къ бытовому „реализму“ или „натурализму“, не къ безмѣрной фантастикѣ романтизма, и не къ пустотамъ сентиментальнаго идеализма, но къ истиннымъ высотамъ художества. . . . Всѣ, самыя противоположныя опасности современной ему литературы, — отъ Фонъ-Визинскаго быта до отвлеченнаго идеализма Батюшкова, отъ французской „позы“ и „фразы“ до сентиментальности Жуковскаго, отъ субъективной прихоти Байрона, а иногда и Гете, до безмѣрной фантастики Гофмана, — всѣ были преодолены классической мѣрою и зорко-утонченнымъ вкусомъ Пушкина, энергіей его чуднаго стиха и скромной точностью его прозы. Здѣсь эмпирическая правда быта

соблюдена, но насыщена духовной глубиной и символической. Полетъ фантазіи остается свободнымъ, но нигдѣ не преступаетъ мѣру правдоподобія и вѣроимности. Все насыщено чувствомъ, но мѣра чувства не допускаетъ ни сентиментальности, ни аффектаціи. Это искусство показываетъ и умудряетъ, но не наставничаетъ и не доктринерствуетъ. Въ немъ нѣтъ „тенденціи“ или „нравоченія“, но есть углубленіе видѣнія и обновленіе души. Послѣ этого искусства напыщенность и ходульность оказались скромпрометированными навсегда; „театральность“, ложный пафосъ, поза и фраза — стали невыносимы.

Піанство мечты было обуздано предметною трезвостью. Простота и искренность стали основою русской литературы. Пушкинъ показалъ, что искусство чертится алмазомъ; что „лишнее“ въ искусствѣ нехудожественно; что духовная экономія, мѣра и искренность составляютъ живыя основы искусства и духа вообще. „Писать надо“, — сказалъ онъ однажды, „вотъ такъ: просто, коротко и ясно“.³²⁾ И въ этомъ онъ явился не только законодателемъ русской литературы, но и основоположникомъ русской духовной свободы: ибо онъ установилъ, что свободное мечтаніе должно быть сдержано предметностью, а піанство души должно проникнуться духовнымъ трезвеніемъ . . . —

Такою же мѣрою должна быть скована русская свобода и въ ея расточаемомъ обиліи.

Свободенъ человекъ тогда, когда онъ располагаетъ обиліемъ и властенъ расточить его. Ибо свобода есть всегда власть и сила; а эта свобода есть власть

³²⁾ П. И. Миллеръ. Встрѣча съ Пушкинымъ. См. Вересаевъ. Пушкинъ въ жизни. III, 67.

надъ душою и надъ вещами, и сила въ щедрой отдачѣ ихъ. Обиліемъ искони славилась Россія; чувство его налагало отпечатокъ на все русское; но, увы, новыя поколѣнія Россіи лишены его . . . Кто не знаетъ русскаго обычая дарить, русскихъ монастырскихъ трапезъ, русскаго гостепріимства и хлѣбосольтва, русскаго нищелюбія, русской жертвенности и щедрости, — тотъ, по истинѣ, не знаетъ Россіи. Отсутствіе этой щедрой и безпечной свободы ведетъ къ судорожной скупости и черствости („Скупой Рыцарь“). Опасность этой свободы — въ безпечности, безхозяйности, расточительности, мотовствѣ, въ способности играть и проигрываться . . .

Какъ истинный сынъ Россіи, Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще съ того, что расточалъ свой даръ, сокровища своей души и своего языка — безъ грани и мѣры. Это былъ, по истинѣ, поэтическій вулканъ, только что начавшій свое изверженіе; или гейзеръ, мечущій по вѣтру свои сверкающія брызги: онѣ отлетали и онѣ забывалъ о нихъ, другіе подхватывали, повторяли, записывали и распространяли . . . И сколько разъ впоследствии самъ поэтъ съ мученіемъ вспоминалъ объ этихъ шалостяхъ своего дара, клялъ себя самого и уничтожалъ эти несчастные обрывки . . . ³³⁾

Уже въ „Онѣгинѣ“ онъ борется съ этой непредметной расточительностью и въ пятой главѣ предписываетъ себѣ

. . . „Эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.“

Въ „Полтавѣ“ его геній овладѣлъ безпечнымъ юношей: талантъ уже нашелъ свой законъ; обиліе заковано въ дивную мѣру; свобода и власть цвѣтутъ въ совершенной формѣ. И такъ обстоитъ во всѣхъ зрѣлыхъ

³³⁾ Срв. отрывокъ: „Къ стати. Началъ я писать.“ 1830.

созданіяхъ поэта:⁸⁴⁾ всюду царить нѣкая художественно-метафизическая точность, — щедрость слова и образа, отмѣренная самимъ эстетическимъ предметомъ. Пушкинъ, поэтъ и мудрецъ, зналъ опасности Скупого Рыцаря и самъ былъ совершенно свободенъ отъ нихъ, — и поэтически, силою своего генія, и жизненно, силою своей доброты, отзывчивости и щедрости, которая донинѣ еще не оцѣнена по достоинству.

Таково завѣщаніе его русскому народу, въ искусствѣ и въ историческомъ развитіи: добротою и щедростью стойтъ Россія; властною мѣрою спасется она отъ всѣхъ своихъ соблазновъ. —

Укажемъ, наконецъ, еще на одно проявленіе русской душевной свободы — на этотъ даръ прожигать быть смѣхомъ и побѣждать страданіе юморомъ. Это есть способность какъ бы ускользнуть отъ бытового гнета и однообразія, уйти изъ клещей жизни и посмѣяться надъ ними легкимъ, преодолевающимъ и отметающимъ смѣхомъ.

Русскій человекъ видѣлъ въ своей исторіи такія бѣды, такія азіатскія тучи и такую европейскую злобу, онъ поднималъ такія бремена и перенесъ такія обиды, онъ перетеръ въ порошокъ такіе камни, что научился не падать духомъ и держаться до конца, побѣждая всѣ страхи и мѣроки. Онъ научился молиться, пѣть, бороться и смѣяться . . .

Пушкинъ умѣлъ, какъ никто, смѣяться въ пѣніи и пѣть смѣхомъ; и не только въ поэзіи. Онъ и самъ умѣлъ хохотать, шалить, рѣзвиться какъ дитя и вызывать общую веселость. Это былъ великій и геніальный ребенокъ, съ чистымъ, простодушно-довѣрчивымъ и прозрачнымъ сердцемъ, — именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ Дельвигъ писалъ ему въ 1824

⁸⁴⁾ Исключеніемъ является „Домикъ въ Коломнѣ“. 1830.

году: „Великій Пушкинъ, маленькое дитя. Иди какъ шелъ, т. е. дѣлай, что хочешь“ . . .

Въ этомъ геніальномъ ребенкѣ, въ этомъ поэтическомъ предметовидцѣ — веселіе и мудрость мѣшались въ нѣкій чистый и крѣпкій напитокъ. Обида мгновенно облакалась у него въ гнѣвную эпиграмму, а за эпиграммой слѣдовалъ взрывъ смѣха. Тоска преодолевалась юморомъ, а юморъ сверкалъ глубокомысліемъ. И, — черта чисто русская, — этотъ юморъ обращался и на него самого, сверкающій, очистительный и, когда надо, покаянный.

Пушкинъ былъ великимъ мастеромъ не только философической элегіи, но и освобождающаго смѣха, всегда умнаго, часто наказующаго, въ стихахъ — всегда мѣткаго, иногда безпощаднаго, въ жизни — всегда беззавѣтно-искренняго и дѣтскаго. Въ мудрости своей онъ умѣлъ быть, какъ дитя. И эту русскую дѣтскость, столь свойственную нашему народу, столь отличающую насъ отъ западныхъ народовъ, серьезничающихъ не въ мѣру и не у мѣста, Пушкинъ завѣщалъ намъ, какъ вѣрный и творческій путь.

Кто хочетъ понять Пушкина и его восхождение къ вѣрѣ и мудрости, долженъ всегда помнить, что онъ всю жизнь прожилъ въ той непосредственной, прозрачной и нѣжно-чувствующей дѣтскости, изъ которой молится, поетъ, плачетъ и пляшетъ русскій народъ; онъ долженъ помнить Евангельскія слова о близости дѣтей къ Царству Божьему.

7.

Вотъ, каковъ былъ Пушкинъ. Вотъ, чѣмъ онъ былъ для Россіи и чѣмъ онъ останется навѣки для русскаго народа.

Единственный по глубинѣ, ширинѣ, силѣ и царственной свободѣ духа, онъ данъ былъ намъ для того, чтобы создать солнечный центръ нашей исторіи, чтобы сосредоточить въ себѣ все богатство русскаго духа и найти для него неумирающія слова. Онъ данъ былъ намъ, какъ залогъ, какъ обѣтованіе, какъ благодатное удостовѣреніе того, что и на нашъ просторъ, и на нашу страсть можетъ быть найдена и создана совершающая и законная форма. Его духъ, какъ великій водоемъ, собралъ въ себя всѣ подпочвенныя воды русской исторіи, всѣ живыя струи русскаго духа. И къ цѣлебнымъ водамъ этой вдохновенно возмущенной купели будутъ собираться русскіе люди, пока будетъ звучать на землѣ русскій языкъ, — чтобы упиться этой гармоніей бытія и исцѣлиться отъ смуты, отъ застоя и броженія страстей.

Пушкинъ есть начало очевидности и радости въ русской исторіи. Въ немъ русскій духъ впервые осозналъ и постигъ себя, явивъ себя — и своимъ, и чужимъ духовнымъ очамъ; здѣсь онъ впервые утвердилъ свое естество, свой укладъ и свое призваніе; здѣсь онъ нашелъ свой путь къ самоодолѣнію и самопросвѣтленію. Здѣсь русское древнее язычество (миѳъ) и русская свѣтская культура (поэзія) встрѣтились съ благодатнымъ дыханіемъ русскаго Православія (молитва) и научились у него трезвенію и мудрости. Ибо Пушкинъ не почерпнулъ очевидность въ вѣрѣ, но пришелъ къ вѣрѣ черезъ очевидность вдохновеннаго созерцанія. И древнее освятилось; и свѣтское умудрилось. И русскій духъ позналъ радость исцѣленности и радость цѣльности. И русскій пророкъ совершилъ свое великое дѣло.

Все бремя нашего существованія, всѣ страданія и трудности нашего прошлаго, всѣ наши страсти, — все принято Пушкинымъ, умудрено, очищено и прощено въ

глаголахъ законченной солнечной мудрости. Все смутное прояснилось. Всѣ страданія освѣтились изнутри свѣтомъ грядущей побѣды. Оформились, не умаляясь, наши просторы; и дивными цвѣтами зацвѣли горизонты нашего духа. Все нашло себѣ легкіе законы неощутимо-легкой мѣры. И самое безуміе явилось намъ въ образѣ прозрѣнія и вѣщающей мудрости. Взоры русской души обратились не къ больнымъ и бесплоднымъ запутанностямъ, таящимъ соблазнъ и гибель, а въ глубины солнечныхъ пространствъ. И дивное глубокочувствіе и ясномысліе сочеталось съ поющей и играющей формой . . .

Съ тѣхъ поръ въ Россіи есть спасительная традиція Пушкина: что пребываетъ въ ней, то ко благу Россіи; что не вмѣщается въ ней, то соблазнъ и опасность. Ибо Пушкинъ училъ Россію видѣть Бога и этимъ видѣніемъ утверждать и укрѣплять свои сокровенныя, отъ Господа данныя національно-духовныя силы. Изъ его устъ раздался и былъ пропѣтъ Богу отъ лица Россіи гимнъ радости сквозь всѣ страданія, гимнъ очевидности сквозь всѣ пугающіе земные страхи, гимнъ побѣды надъ хаосомъ. Впервые отъ лица Россіи и къ Россіи была сказана эта чистая и могучая „Осанна“, осанна искренняго, русскимъ Православіемъ вскормленнаго міро-пріятія и Бого-благословенія, осанна поэта и пророка, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклитъ, Шиллеръ и Достоевскій.

А русская исторія была такова, что народъ нашъ имѣлъ особую потребность и особое право на это радостное самоутвержденіе въ Богѣ. И потому этотъ радостный и чудный пѣвецъ, этотъ совершитель нашего духовнаго акта, этотъ основоположникъ русскаго слова и русскаго характера былъ дарованъ намъ для того, чтобы стать солнечнымъ центромъ нашей исторіи.

Пушкинъ, нашъ шестикрылый серафимъ, отверзшій наши зѣницы и открывшій намъ и горнее, и подводное естество міра, вложившій намъ въ уста жало мудрыя змѣи и завѣщавшій намъ превратить наше трепетное и неуравновѣшенное сердце въ огненный уголь, — онъ далъ намъ залогъ и удостовѣреніе нашего національнаго величія, онъ далъ намъ осязать блаженство завершенной формы, ея власть, ея зиждущую силу, ея спасительность. Онъ далъ намъ возможность, и основаніе, и право вѣрить въ призваніе и въ творческую силу нашей родины, благословлять ее на всѣхъ ея путяхъ и прозрѣвать ея свѣтлое будущее, — какія бы еще страданія, лишенія или униженія ни выпали на долю русскаго народа.

Ибо имѣть такого поэта и пророка — значитъ имѣть свыше великую милость и великое обѣтованіе.

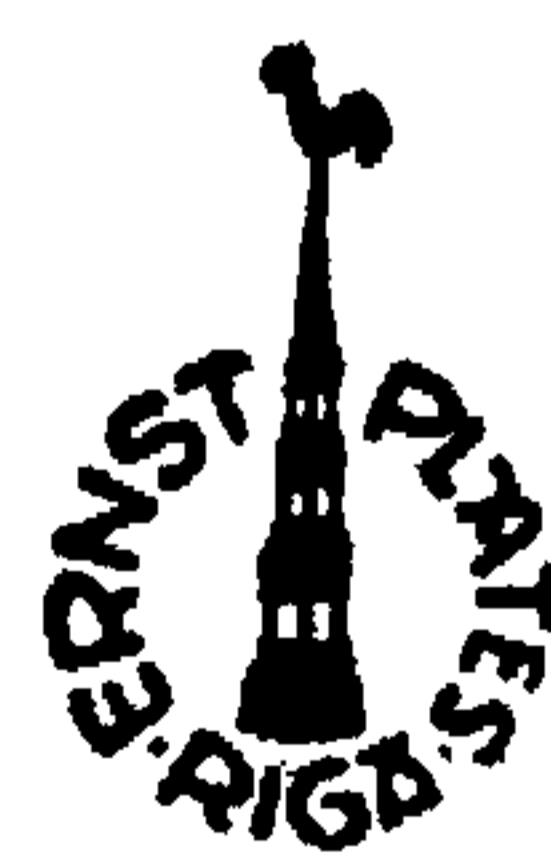
Берлинъ.

1937 г. январь — мартъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА на русскомъ языкѣ:

- Философія Гегеля, какъ ученіе о конкретности Бога и
человѣка. Томъ I. Ученіе о Богѣ. Стр. 300.
Томъ II. Ученіе о человѣкѣ. Стр. 350.
Москва. 1918. Распродано.
- Проблема современнаго правосознанія. Стр. 32. Изд. Прессе.
Берлинъ. 1923. Складъ въ маг. „Градъ Китежъ“.
- Религіозный смыслъ философіи. Три рѣчи. Стр. 116.
Парижъ. 1925. Изд. „Имка“.
- О сопротивленіи злу силой. Стр. 223.
Берлинъ. 1925. „Градъ Китежъ“.
- Родина и мы. Стр. 16. Изд. Общества Галлиполійцевъ.
Бѣлградъ. 1926. Распродано.
- Ядъ большевизма. Стр. 48. Изд. „Борьба за культуру“.
Женева. 1931.
- О Россіи. Три рѣчи. Стр. 32. Изд. „За Россію“.
Софія. 1934. Распродано.
- Путь духовнаго обновленія. Стр. 248. „Издат. Комиссія“.
Бѣлградъ. 1937. Цѣна 20 динаръ.

Русскій Колоколь. Журналь волевой идеи. № 1, 2, 3,
4, 5, 6, 7, 8, 9. Ред. Изд. И. А. Ильинъ. 1927—1930.
Оставшіеся экземпляры въ маг. „Градъ Китежъ“.

M. Monētu ielā 18